

Алексей Георгиевич СтепановРоссийский государственный университет правосудия, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Москва, Россия
e-mail: stalex73@bk.ru

Экзистенциальный формат исторической реальности

Аннотация. Воспроизведение прошлого в качестве истории составляет форму осознания субъектом специфики собственного существования. Становление прошлого как истории связано с переходом от биологического типа эволюции человека к социальным формам бытия. История в социальном ракурсе — это прежде всего форма конституирования технологий оптимальной экзистенции. Способ существования человека фундирует освоение прошлого в настоящем в качестве специфического инструментария обеспечения целостности экзистенции. Специфика организации прошлого как истории, степень соответствия параметров события и форм их идентификации, уровень корреляции знаково-символических и сущностно-смысловых структур отражения социальной эволюции, эффективность методологических процедур их освоения неизбежно актуализируют вопросы статуса исторической реальности в системе экзистенциальных структур.

Ключевые слова: история, историческая реальность, экзистенция, образ, культура, прошлое.

Alexey G. StepanovRussian State University of Justice, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Moscow, Russia
e-mail: stalex73@bk.ru

Existential Format of Historical Reality

Abstract. The reproduction of the past as history is a form of awareness by the subject of the specifics of his own existence. The formation of the past as history is connected with the transition from the biological type of human evolution to social forms of being. History from a social perspective is primarily a form of the constitution of technologies of optimal existence. The way of human existence bases the development of the past in the present as a specific tool for ensuring the integrity of existence. The specifics of the organization of the past as history, the degree of correspondence of the event parameters and forms of their identification, the level of correlation of sign-symbolic and essential-semantic structures of reflection of social evolution, the effectiveness of methodological procedures for their development inevitably actualizes the issues of the status of historical reality in the system of existential structures.

Keywords: history, historical reality, existence, image, culture, past.

Введение (Introduction)

Жизнь людей, очевидно, связана с поиском оптимальных вариантов существования, выраженным в стремлении к достижению большей степени ее предсказуемости. Этот определенности представляет собой проявление естественного состояния человека, атрибутивный принцип его самореализации. Сталкиваясь с вызовами существования, люди пытаются адаптироваться к его объективным условиям и фактору времени в том числе: «Время относится к тем реалиям, которые издавна определяли смысловое поле человеческого бытия» [1, с. 43].

Проблема экзистенциального освоения времени продиктована темпоральным непостоянством бытия, модальности которого — прошлое, настоящее, будущее — обусловили концептуальный фон представлений о смыслах существования человека. Модусы времени — это одновременно и институции темпоральной обособленности определенных аспектов

бытия, и форма их связи. Если будущее гипотетично и производно от настоящего, то прошлое — это атрибут конституализации настоящего. Прошлое представлено как образ определенных моментов бытия, свойства которых отсутствуют в настоящем, субъект лишен возможности контактировать с прошедшим непосредственно, вследствие чего феноменальная форма его воспроизведения приобретает первостепенное значение и в предельно общем смысле составляет специфику человекомерного отражения мира. Онтологическая специфика прошлого обуславливает его включенность в экзистенциальный мир субъекта опосредованно — через институции сознания. Сопряженность прошлого со структурами рефлексии детерминирует его освоение в формате артефактов — явлений культуры, выражающих определенные модусы времени. Семантическое оформление информации о прошлом составляет основу его конституализации как истории (греч. *historia* — «рассказ о прошлом»).

© Степанов А. Г., 2023

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2023, № 4 (41), с. 54–57.
Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2023, no. 4 (41), pp. 54–57.

Методы (Methods)

Анализ статуса исторического в параметрах экзистенции мы связываем с неоклассической парадигмой познания. Неоклассическая программа фундирует создание «...гибкой системы предпосылок и точек зрения, которая, не снимая и не упрощая всей сложности и множественности реальности, могла бы служить опосредующим звеном, объединяющим и проясняющим всё это многообразие» [2, с. 256].

Существо неоклассического подхода выражено в корреляции позитивных аспектов социального реализма и номинализма, теории и факта, объекта и образа, казуальности и каузальности. Речь не идет о формальном суммировании способов освоения исторического, а о методологическом комплексе, аккумулирующем ресурсы объективных и субъективных параметров отражения исторической реальности. Организация картины социально-исторической реальности необходимо связывается с экспликацией основополагающих ценностей науки (обретение истины, приращение знаний) с вненаучными ценностями, предполагая включение в содержание рациональной аргументации социально-аксиологических факторов.

Смысл этого подхода заключается в том, чтобы воссоздать такой образ исторического, в котором представления об исторической реальности оказались бы как можно ближе свойствам и качествам самого события. Неоклассики принимают стремление к истине как атрибут научного исследования, что, в свою очередь, постулирует организацию объективированного знания, выраженного в формате интерсубъективности.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В качестве формы отражения прошлого история представляет собой диалектический комплекс взаимодействия известного-освоенного-определенного и гипотетичного-неопределенного-незавершенного. Прошедшее становится прошлым тогда, когда человек включает его в сферу собственного жизненного мира. Удерживаемый в сознании момент бытия становится частью жизненного мира субъекта, где объективное прошедшее становится субъективным прошлым. Прошлое, включенное в содержание экзистенциальных ценностей и выраженное в нарративе, становится историей. Феноменальный уровень освоения прошедшего и организация его смыслов в культурных артефактах обусловлены природой человека и представляют собой форму присвоения определенного момента бытия общественно развитым субъектом. Культура истории — это сфера сознательного сохранения того, что, уже в настоящем не существует, но в нём производится, воспроизводится и сохраняется [3, с. 230]. Определяя статус исторического, человек сталкивается с ситуацией, когда темпоральные сегменты бытия трансформируются в явления, свойства которых противоположны институциям их вызвавшим: «По большей части мир истории мы мыслим как совокупность и последовательность прошлых миров и зачастую отождествляем понятия прошлое и история, хотя это онтологически неточно» [4, с. 101].

Воспроизведение прошлого в качестве истории составляет форму освоения субъектом специфики собственного

бытия: «История в своем первоначальном смысле... представляет собой структурный момент самого человеческого существования» [5, с. 23]. Экзистенция без истории представляет собой существование без сущности, т. е. бескачественное и бессмысленное, а значит, противоположный человеческому (надбиологический) способ жизни. Становление прошлого как истории связано с переходом человека от естественно-природного типа эволюции к социальным формам развития. Началом истории в этом смысле следует считать период преодоления институций природно-биологического формата существования технологиями культуры: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни...» [6, с. 19] (курсив автора. — А. С.). Социальный способ бытия представляет собой условие всех дискурсов исторического вообще.

Многообразие форм жизнедеятельности актуализирует различные стороны опыта социального взаимодействия и объективно обуславливает его воспроизведение. Исторический нарратив служит результатом сознательной актуализации субъектом определенных моментов существования. Аксиологическая составляющая исторического связана с целенаправленным производством и воспроизведением знаний о технологиях социального способа экзистенции. Специфика организации прошлого как истории, степень соответствия параметров события и форм их идентификации, уровень корреляции знаково-символических и сущностно-смысловых структур отражения социальной эволюции, эффективность методологических процедур их освоения неизбежно актуализируют вопросы онтологического статуса исторической реальности.

Тема реальности располагает неисчерпаемым эвристическим потенциалом, и обращение философского сообщества к этому феномену в этом смысле вполне объяснимо. Реальность — одна из значимых, распространенных и проблемных категорий философии, дефиниция которой не получила однозначной трактовки: «Так, у Г. Д. Левина термин “реальное” имеет пять самостоятельных значений, у П. С. Дышлевого — шесть, у В. И. Поруса — более десяти. В словаре А. Лаланда выделяется пять основных смысловых значений этого термина, которые в какой-то степени противоречат друг другу» [7, с. 248].

Категория «реальность» (от лат. *res* — «вещь», *realis* — «вещественный, действительный») в предельно общем смысле трактуется как институция конкретизации бытия, формат которой не нуждается в дополнительном обосновании. В истории культуры проблема реальности была актуализирована в концептах реализма и антиреализма, в рамках которых выделялись онтологические и гносеологические уровни ее идентификации. Разнообразие подходов, претендующих на осмысление этого феномена, обусловило отсутствие общепризнанных дефиниций рассматриваемой категории. Вместе с тем в предельно общем смысле реализм трактуется как концепт, признающий наличие объективной реальности, антиреализм исходит из положения о том, что объективность реальности не более, но и не менее чем методологическая конструкция, созданная на базе институций

идеализации, абстрагирования и обобщения. Дискуссии между реалистами и их оппонентами затрагивают широкий спектр вопросов от соответствия семантики научных понятий реальным свойствам объектов до обоснования природы истины и степени корреляционного соотношения бытия и мышления.

В метафизических учениях античной, средневековой, новоевропейской и немецкой классики однозначно прослеживается линия разграничения оппозиции «вещь — реальность». Философы-материалисты, идеалисты, объективисты, субъективисты, эмпирики и рационалисты рассматривали вещь как явление, нетождественное трансцендентному — изначальному, вечному, абстрактному, самодостаточному, беспредельному, ни к чему не сводимому и ни из чего не выводимому «чистому» бытию. Вещи определялись как формы демонстрации сущности, в связи с чем философия как духовно-практическая технология постижения сущности неизбежно столкнулась с проблемой выведения вещи за рамки собственной дисциплинарной рефлексии: «Вслед за математическим естествознанием... вещи оказались изгнанными и из самой философии. ...Кант заявил о том, что “вещь сама по себе” непознаваема и не может быть предметом философского рассмотрения» [8, с. 109].

Данное обстоятельство не могло не иницировать программы ревизии места вещи в философской культуре хотя и на иных концептуальных основаниях. «Мы хотим вернуться к “самим вещам”», — заявлял Э. Гуссерль, характеризуя при этом вещь не как физическую предметность, а как структуру сознания — феномен, позволяющий бытие просто «...принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает» [9, с. 60–61]. Становление вещи в качестве феноменологической институции составило концептуальное основание суждения Л. Витгенштейна о том, что «мир есть факты в логическом пространстве...» [10, с. 48]. Факт представляет собой специфический тип мыслительной инерции, это осмысленный фрагмент бытия, организованный человеком в рамках программы его освоения: «...историограф... сам создает объекты своего наблюдения... <...> Установить факт — значит выработать его» [11, с. 14–15].

Экзистенциально-феноменальный формат реальности не отрицает объективный характер бытия, но позиционирует возможность его освоения только в системах идеального (*realitas feipomenon*), которыми «...исчерпываются все наши знания относительно различных аспектов реальности» [12, с. 227] (курсив автора снят. — А. С.). Бытие объективно, но форматирование его в параметрах сущности является интерпретационным, концептуально обусловленным и схематизированным. Сформированный системами аналитического освоения образ проецируется во внешний мир, включаясь в программу практических действий, при этом сам субъект может и не осознавать этого: «Не процедуры наблюдения... определяют содержание теоретических понятий. Наоборот, постулирование существования ненаблюдаемых объектов с неким набором присущих им свойств характеризуют возможности и смысл того, что дано в наблюдении» [13, с. 18]. Реальность — это бытие, освоенное субъектом — «вещь для нас», что позволяет человеку обеспечить определенность своего существования и, следовательно, «везде быть как дома».

Заключение (Conclusion)

Определение реальности непосредственно связано с естественным синтезом переживания бытия и опыта его осознания. Проблема реальности в заявленном дискурсе выражается в содержании парадигм культуры, формат которой позволяет выработать концепты ее освоения. Реальность позиционируется как конкретизация бытия в образной репрезентации, предполагающей не только познавательное, но и социально-практическое значение.

Формат исторической реальности продиктован не столько темпоральной оппозицией настоящего и прошлого, сколько технологиями их освоения, диалектической связи теории и практики, веры и знания и т. д. Онтологическая специфика истории обусловлена сложной системой реализации человеком своего существования. История вне социальной практики есть не более чем отвлеченная абстракция, не имеющая отношение к прошлому. В качестве инстанции, обособленной от существа социальной экзистенции, ее не существует. Для того чтобы оказаться реальным, историческое явление должно быть определенным образом зафиксировано в артефактах существования, если прошлое никак не проявляет себя в аксиологии настоящего, то оно и не является реальным. В таком ракурсе реальность истории обусловлена сферой идеаторной рефлексии, и в этом смысле «...мы получаем не образ происшедшего самого по себе, а образ нашего восприятия и его мысленной переработки» [14, с. 21].

Историческую реальность составляет не прошлое как «зеркальное» отражение прошедшего, а прошлое, включенное в экзистенциальный опыт, прошлое как система результатов аналитического восприятия прошедшего. Аналитический потенциал сознания организует всё многообразие реальности, история есть повествовательный проект события, актуализированного экзистенциальной потребностью субъекта. Фактологически освоенное, наполненное смыслом воспроизведение прошлого составляет существо формата исторического. При этом непреодолимость темпорального барьера между прошедшим и настоящим позволяет характеризовать историю как форму аккумуляции противоречивых институций конкретности и абстрактности, субъективности и объективности, определенности и неопределенности. Данное обстоятельство обуславливает гипотетическую природу прошлого, историческая модель которого неизбежно обретает черты вариативности, условности, относительности. «Нельзя сказать, что прошлое ирреально, но прошедшая реальность, строго говоря, не подтверждается. Поскольку ее больше нет, она намечается лишь опосредованно, через исторический дискурс. Здесь и выявляется родство истории с вымыслом» [15, с. 192–193]. Качество фактологического и аксиологического обеспечения прошлого, эффективность их корреляции составляют формат исторической реальности.

Таким образом, освоение прошлого, установление его онтологического статуса равносильно обретению социализированным субъектом формата определенности своего существования. Экзистенциальный поиск исторических оснований собственной самости представляет собой процесс обретения платформы стабильного преодоления отчужденности прошедшего. Присвоение прошедше-

го в качестве прошлого формирует платформы самоидентификации субъекта, позволяющие органично включить существование собственного «Я» в настоящее. Прошлое как историческая реальность становится формой трансформации природно-биологического бытия в социокультурное. «...Повсюду быть дома» [16, с. 28] — значит ощущать определенность своего существования, знать его историю. Заявленное обстоятельство является определяющим фак-

тором становления субъекта, интегрирующего содержание социального опыта в программу своего существования. Открывая прошлое, субъект становится мерой бытия, определяющей не только формат корреляции систем «существующего» и «несуществующего», но и «существенного» и «несущественного», а следовательно, и творцом собственной экзистенции, реализуемой в темпоральных модулях настоящего, прошлого и будущего.

Библиографический список

1. Кузнецов В. Ю. Социально-философская концепция мифологизации времени : дис. ... д-ра филос. наук. Чебоксары, 2007. 321 с.
2. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М. : Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.
3. Кроче Б. Антология сочинений по философии: история, экономика, право, этика, поэзия / пер. С. А. Мальцевой. СПб. : Пневма, 2008. 469 с.
4. Щербakov Д. А. Структура исторической реальности // Манускрипт. 2018. № 10 (96). С. 99–104.
5. Дёмин И. В. Философия истории в постметафизическом контексте : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2017. 340 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / пер. с нем // Соч. : в 39 т. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.
7. Рукомойникова Е. Г. Становление категории «научная реальность» // Науч.-техн. вед. С.-Петербург. гос. политех. ун-та. 2010. № 2–2 (100). С. 248–252.
8. Пржиленский В. И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 105–113.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. Кн. 1. 336 с.
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2018. 160 с.
11. Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. А. А. Бобовича [и др.]. М. : Наука, 1991. 629 с.
12. Клайн М. Математика. Поиск истины / пер. с англ. В. И. Аршинова, Ю. В. Сачкова. М. : Мир, 1988. 295 с.
13. Лекторский В. А. Дискуссии антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование / ред. В. А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2007. С. 5–29.
14. Дройзен И. Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / пер. с нем. Г. И. Федоровой. СПб. : Владимир Даль, 2004. 581 с.
15. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
16. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество / пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.